

На следующий год, также в начале зимы, в сонные послеполуденные часы молодые и старые члены Торговой палаты похитили Чэн Фэнтая, принудив его отобедать с ними. Второй господин монополизировал перевозку товаров на севере страны, и был полностью независим, поскольку мог опираться на форт семьи Фань. Кроме того, благодаря поддержке главнокомандующего Цао, маньчжуры не осмеливались чинить ему препоны. Когда ему попадались особо ценные товары, он доставлял их напрямую через горы, чтобы избежать уплаты пошлины, а с шайками местных разбойников у него давно всё было улажено. Поступая так, он добивался от торговли чистой прибыли, и прибыль эта была весьма внушительной. Таким образом Чэн Фэнтай без помех твёрдо закрепился как на легальных, так и «теневых» торговых путях. Люди из Торговой палаты бросали на него завистливые взгляды, но ничего не могли поделать с этим незаурядным человеком, не связанным никакими условностями. На сей раз, действуя то утрашением, то посулами, эти влиятельные господа надели на него со всех сторон, намереваясь во что бы то ни стало добиться своего.

Вчера Чэн Фэнтай ночь напролёт играл в маджонг, а потому проспал полуденный чай с лёгкими закусками. Встав с постели, он почувствовал, что прямо-таки умирает с голода, и в это самое время Торговая палата раскошелилась, чтобы пригласить его на обед. Ресторан был вполне сносный, и Чэн Фэнтай решил: почему бы, собственно, и нет. Сидя за круглым столом, он терзал куриные грудки, запивал их вином и терпеливо выслушивал, как его пытались склонить к компромиссу, выступая в роли то героев, то злодеев [1] — это была интереснейшая пьеса с чётким разделением ролей. Дождавшись горячих блюд, он тут же с остервенением на них набросился [2]. Почти закончив есть, он, так и не сказав ни слова в ответ, попросил официанта принести ещё миску риса. Члены Торговой палаты пришли в полное недоумение: они столько времени то нахваливали его, то поносили, а он лишь молча поглощал пищу, будто оголодавший волк, проявляя полное бескультурие. На что это вообще похоже?

[1] Компромисс — в оригинале 和泥 (huò xīní) — в пер. с кит. «месить жидкую глину», обр. в знач. «сглаживать острые углы», а также «примирять, идти на компромисс».

Роли то героев, то злодеев — в оригинале 唱白脸 唱红脸 (chàng báiliǎn chàng hóngliǎn) — в пер. с кит. «петь в белом гриме, петь в красном гриме» — в пекинской опере лица злодеев красят в белый цвет, лица положительных персонажей — в красный.

[2] С остервенением на них набросился — в оригинале 左 右 开 弓 (zuǒ yòu kāi gōng) — в пер. с кит. «стрелять из лука и налево и направо», обр. в знач. «наброситься; наносить удары обеими руками; бить обеими ногами; одновременно выполнять два дела».

Когда Чэн Фэнтай насытился, он отложил палочки и медленно вытер губы и руки полотенцем. Все в ожидании уставились на него.

— Вы всё сказали? — наконец подал голос Чэн Фэнтай.

— Да, всё, — закивали собравшиеся.

— Тогда моя очередь говорить?

— Просим второго господина высказаться.

Покосившись на сидящего ближе всего старика, Чэн Фэнтай начал:

— Хозяин Ли, ладно ещё остальные, но у вас-то как хватает наглости заговаривать со мной о делах? Сколько в прошлом году стоила полученная вами партия шёлка и атласа из Ханчжоу? А какую цену вы назвали мне? Вы меня за дурака держите? Тогда из уважения к вашим летам я не стал вам отказывать и совершил невыгодную сделку, а вам это лишь сыграло на руку!

Хозяин Ли нипочём не ожидал, что он осмелится говорить столь откровенно. Морщинистое лицо торговца побагровело, а язык будто бы отнялся, так что он не мог вымолвить ни слова в ответ. Покончив с ним, Чэн Фэнтай принялся расправляться с остальными согласно порядку рассадки за столом, пока не разнёс всех в пух и прах. В конце концов, среди торговцев было в обычае льстить и лицемерить [3]: кто искуснее притворялся и жульничал — тот и одерживал верх. Для них прямота Чэн Фэнтая, граничащая с грубостью, была поистине чем-то невиданным. Над столом повисло гробовое молчание [4] — все были словно громом поражены.

[3] Льстить и лицемерить — в оригинале чэньюй 口蜜腹剑 (kǒumì fùjiàn) — в пер. с кит. «на устах мёд, а за пазухой меч»; обр. в значении «двуличие, лицемерная лесть», также «на языке мёд, а в сердце лёд».

[4] Гробовое молчание — в оригинале чэньюй 鸦雀无声 (yāquèwúshēng) — в пер. с кит. «не слышно ни вороны, ни воробья», обр. также в знач. «(стоит) гробовая тишина».

Чэн Фэнтай встал и, сунув руку в карман брюк, обвёл присутствующих зажатой в другой руке свёрнутым в трубку полотенцем.

— С тех пор, как после восемнадцатого сентября [5] север оказался во власти японцев и бандитов, вы не осмеливались туда и носа сунуть. Это я, Чэн Фэнтай, рискуя собственной головой [6], проложил путь через пять застав, одолел шесть генералов [7]. Каждая из этих застав стоила мне немалых денег, так что этот путь я выстлал серебром. И вот теперь, когда я могу беспрепятственно ходить по нему, вы являетесь, чтобы урвать свой кусок [8]. И откуда только берутся такие любители приходить на готовенькое?

[5] Восемнадцатое сентября 九一八 (jiǔyībā) — речь идёт о вторжении японцев в Маньчжурию в 1931 г.

Подробнее см. в примечаниях после главы.

[6] Рискую собственной головой — в оригинале поговорка 脑袋挂在腰上 (nǎodai xuán zài kù yāodài) — в букв. пер. с кит. «голова висит на поясе брюк» — образно о рискованном бизнесе, где заработок сопряжён с угрозой для жизни. Имеется в виду, что когда голова на поясе, человеку грозит смертельная опасность, а если голова упадёт на землю, он умрёт.

[7] Проложил путь через пять застав, одолел шесть генералов 过关斩将 (guò wǔ guān chuǎng liù jiàng) — идиома, берущая начало из классического романа «Троецарствие». Один из главных героев, Гуань Юй, прорвался через пять застав Цао Цао (155-220 гг.) (см. примечание к главе

12) и сразил шестерых его генералов, прежде чем сумел ускользнуть от Цао Цао и вернуться к своему побратиму Лю Бэю (162-223 гг.).

[8] Урвать кусок — в оригинале чэньюй 分杯羹 (fēn yībēi gēng) — в пер. с кит. «выдать чашку отвара», отсылает к истории о том, как Сян Юй (232-202 до н. э.) захватил в плен отца Лю Бана (256-195 гг. до н.э.) и пригрозил сварить пленника, если Лю Бан не отведет свое войско, на что Лю Бан ответил: «Пришли мне чашку отвара». В образном значении: «получить долю (прибыли, добычи и т. п.)».

Все прочие торговцы во все глаза уставились на разглагольствующего Чэн Фэнтая — от подобной откровенности они попросту утратили дар речи, и когда он закончил, за столом ещё долго стояла тишина. Председатель Торговой палаты, почтенный старик, приподняв брови, медленно поднялся с места и пару раз кашлянул в носовой платок.

— Второй господин Чэн, то, что вы сказали, не вполне верно. В каждом деле есть свои правила. Члены Торговой палаты Бэйпина с давних пор пользуются этими торговыми путями, вы не имеете права подминать их под себя!

— Вы, почтенный, не потрудившись спросить, навязываете мне свои правила, — холодно усмехнулся Чэн Фэнтай. — С каких это пор я стал членом вашей Бэйпинской торговой палаты? К тому же, дорога лежит под небом, и, хоть это — мой Великий шёлковый путь, я не могу воспрепятствовать тому, чтобы вы в свою очередь [9] зарабатывали на нём деньги. Пусть каждый проторит себе дорогу в силу своих возможностей!

— Однако, второй господин, северный путь кишит злодеями [10], он невероятно труден и опасен, вы отрезали нам все возможности заработать...

— Ну так, значит, вы бездарны, — прищёлкнул языком Чэн Фэнтай. — Удивляюсь я вам: вас послушать, так если я не пробью для вас дорогу, то вам и конец настанет. Как же вы раньше-то без меня справлялись?

И всё же председатель Торговой палаты решил проявить великодушие, взяв на себя роль добряка:

— Второму господину благоволит удача в делах, вот ему и невдомёк, насколько тяжело приходится нам. Разве все мы собрались здесь не для того, чтобы посоветоваться со вторым господином?

— Да ну? — изумился Чэн Фэнтай. — Неужто вы и правда нуждаетесь в моём совете? А мне-то показалось, что вы все собрались тут, чтобы угрожать мне, задавив числом [11].

[9] В свою очередь — в оригинале чэньюй 前仆后继 (qián pū hòu jì) — в пер. с кит. «передние падают — задние встают им на смену», обр. о преемственности в героическом деле, борьбе.

[10] Злодеи — в оригинале 虎狼 (hǔ láng) — в пер. с кит. «тигр и волк», обр. о жестоком, свирепом

злodee.

[11] Задавить числом — в оригинале чэньюй 压多欺少 (yǐ duō qī shǎo) — в пер. с кит. «многие обижают немногих».

В сложившейся ситуации было непонятно, кто кого притесняет. Председатель подумал про себя, что Чэн Фэнтай всецело заслуживает своей репутации. Со столь беспардонным и невыносимым человеком поистине невозможно иметь дело. Похоже, он в самом деле решил остаться одиночкой [12]. Хоть в сравнении с остальными его дело было столь велико, всё же он никому не позволял ни к чему себя принудить или запугать чьей-либо властью, так что председателю Торговой палаты оставалось лишь пойти на последнюю уступку:

— Второй господин, речь ведь не идёт о том, чтобы вы делали это даром. Если вы позволите нам следовать с вами по одной дороге, то все присутствующие запомнят эту услугу и впредь не станут чинить вам препятствий. Мы можем обсудить цену.

Чэн Фэнтай помахал ладонями в знак отказа.

— Как можно говорить о цене — я заплатил за эту дорогу тем, что стою под дулами разбойников, такое за деньги не купишь. Лишь мои друзья могут ей пользоваться.

Все присутствующие знали, что Чэн Фэнтай — человек весьма состоятельный [13] и к тому же порывистый, а потому тут же уверовали, что он позволит им беспрепятственно пользоваться северной дорогой — они решили, что он внезапно пришёл в себя и правда желает видеть их своими друзьями. Кто бы мог подумать, что вслед за этим он добавит:

— Но вы, кто сегодня собрался здесь, все как один — ублюдки [14], привыкшие притеснять других!

[12] Одиночка — в оригинале 跑单帮 (pǎodānbāng) — в пер. с кит. «бродить одиноким лоточником/бродячим коробейником».

[13] Состоятельный — в оригинале 家财 (jiācái yíng bō) — в пер. с кит. «семейное достояние — полная патра (чашка для еды и милостыни у буддийских монахов). Интересно, что это перекликается с русским выражением «дом — полная чаша».

[14] Ублюдки — 王八蛋 (wángbādàn) — в букв. пер. с кит. «черепашье яйцо». Образное значение этого выражения исходит из китайского поверья, что черепахи — ужасно распущенные животные и буквально не знают, от кого снесли яйцо.

С последним словом Чэн Фэнтай швырнул свёрнутое полотенце в супницу. Это произвело эффект взорвавшейся бомбы: суп расплескался по столу, несколько капель попали на очки председателя Торговой палаты. Старик содрогнулся от испуга всем телом. Одержав победу в этой словесной баталии, безмерно довольный собой Чэн Фэнтай толкнул дверь и покинул ресторан в прекрасном расположении духа.

Он уже давно думал, как бы половчее проучить Торговую палату. Ничего хорошего Чэн Фэнтай с их стороны никогда не видел — эти люди только и делали, что при любом удобном случае ставили ему подножки. Все они были отвратительны ему тем, что, изображая добродетель, на самом деле были крайне от неё далеки. И вот сегодня ему наконец представилась возможность свести с ними счёты. Наевшись и напившись до отвала, он ещё и отвёл душу — при мысли о том, как он только что скрестил с ними оружие, в его душе поднималась волна удовлетворения.

Когда Чэн Фэнтай чувствовал подобный подъём, он был будто во хмелю или под действием морфия. Он никак не мог успокоиться и не контролировал себя. Сев в машину, он запрокинул голову и какое-то время хохотал как ненормальный. Его водитель Лао Гэ был ничуть не удивлён подобным поведением хозяина — он давно привык и не к такому. Дождавшись, пока Чэн Фэнтай отсмеётся и переведёт дух, он спросил:

— Куда едем, второй господин?

— Езжай в «малую резиденцию» [15]!

Эта самая «малая резиденция» была домом танцовщицы, которую совместно содержали Чэн Фэнтай и Фань Лянь. В прошлом году они оба были настолько покорены этой очаровательной и яркой красоткой, что ни один не желал уступать, и дело чуть не дошло до драки. Однако эта весьма умудрённая и сметливая особа заверила, что она глубоко тронута силой чувств обоих поклонников, и ей неловко, что шурин и зять ссорятся из-за неё. Лучше бы им поладить и сообща её посещать. Чэн Фэнтай в ответ на это лишь ухмыльнулся, а Фань Лянь не понял: как это — сообща посещать? И что им делать всем троём? Тогда она вытянула указательный пальчик и шутливо постучала его по лбу: «Ах ты глупыш! Ведь в неделе семь дней, тебе — понедельник, среда и пятница, а ему — вторник, четверг и суббота — неужто не сможете разойтись?» Фань Лянь онемел от смущения и залился краской.

Чэн Фэнтай же заключил, что обе стороны могут извлечь из этого немалую выгоду, а потому в порыве щедрости приобрёл дом, где и поселил их общую любовницу [16].

Когда он заявился в «малую резиденцию», при виде него старая служанка [17] перепугалась:

— Почему второй господин Чэн приехал сегодня? К сожалению, сейчас наверху второй господин Фань.

[15] «Малая резиденция» 小公館 (xiǎo gōngguǎn) — так называли жилище, куда селили наложниц.

[16] Поселил любовницу — в оригинале чэньюй 金屋藏娇 (jīnwū cángjiāo) — в пер. с кит. «спрятать любимую в золотом доме», обр. в знач. «души не чаять в любимой» или «завести наложницу/любовницу».

[17] Старая служанка 老妈子 (lǎomāzi) — в букв. пер. с кит. «старая матушка», о служанке, особенно пожилой.

— И правда, что-то многовато тут вторых господ, — отмахнулся от неё Чэн Фэнтай. Поднявшись наверх, он прошёл сразу к спальне и распахнул дверь ударом ноги. В этот самый момент Фань Лянь развлекался в постели с танцовщицей; услышав стук открываемой двери, он высунул из-под одеяла растрёпанную голову и надел очки.

— Старший зять, сегодня же не твой день! — нахмурился он.

Чэн Фэнтай подобрал его разбросанную по полу одежду и, приподняв одеяло, сунул её туда.

— Пришло время поменяться днями. Мне — понедельник, среду и пятницу, тебе — вторник, четверг и субботу. Меняемся, сегодня я её хочу.

Фань Лянь, вспыхнув, скинул одежду на пол и прикрыл промежность уголком одеяла:

— Да ты посмотри, в каком я виде! С чего ты вдруг решил меняться? Шёл бы ты лучше меняться с кем-нибудь другим!

Чэн Фэнтай горящим взором прошёлся по его холёному телу и с улыбкой ответил:

— На кого же мне поменяться? Может, на тебя? — Он неожиданно потянулся, чтобы дотронуться до него, но Фань Лянь шлёпнул его по руке.

Танцовщица прыснула со смеху и принялась кокетничать, лёжа под одеялом:

— Раз уж вы пришли, присоединяйтесь! Никто не должен выходить из дому в такой холод!

Чэн Фэнтай, уже скидывая одежду, погладил её по щеке.

— А ты своё дело знаешь, — с похотливой улыбкой заметил он, а затем, обернувшись к Фань Ляню, спросил: — Ну как, всё ещё хочешь уйти?

Фань Лянь подумал, что Чэн Фэнтай, похоже, где-то поднабрался и теперь буйнит. Однако уступить не хотелось, а потому он сердито заявил:

— Никуда я не пойду!

Хоть Фань Лянь остался, нахально отказавшись уйти, ему с этого ничего не перепало. Он желал, чтобы танцовщица помогла ему снять напряжение, однако вместо этого Чэн Фэнтай тут же принялся тискать его и целовать, будто женщину, отчего Фань Ляню стало невыносимо тошно [18]. В конечном итоге ему только и оставалось, что съёжиться на одной стороне постели и в тоске терпеть тряску и разнузданные стоны, будучи не в силах утолить

собственные желания.

[18] Невыносимо тошно — в оригинале 噁心透骨 (Èxīn dé tóupí dōu zhàle) в пер. с кит. «так затошнило, что аж кожа на голове лопнула».

С тех пор, как он повстречал Чэн Фэнтая, ему открылся мир безудержного разврата — разнузданный и лишённый всякого смысла. Его зять был способен на столь грязные вещи, которых Фань Лянь был не в силах даже вообразить. И всё же чем-то его притягивало подобное распутство — видимо, в глубине души Фань Лянь и сам был далёк от человека высокой морали.

Фань Лянь взглянул на обнажённую бесстыжую парочку, сливающуюся рядом с ним в жарком объятии, и подумал: «Как им только не совестно? Потеряли всякий стыд...»

Посвятив долгое время столь упорному труду, Чэн Фэнтай испустил долгий вздох, после чего поднялся с танцовщицы и неспешно оделся со всем тщанием. В такого рода удовлетворении после недавно владевшей им жадной страсти было что-то изящное, однако утомлённая им женщина еле дышала.

Когда Чэн Фэнтай приходил в возбуждение, ничто не могло ни сдержать его, ни ограничить, но если бы он попытался развлекаться подобным образом со второй госпожой — она бы точно его убила; потому-то он и искал любовниц на стороне. Одеваясь, он сказал Фань Ляню:

— Я тут закончил, а ты действуй по своему усмотрению.

— Куда это ты собрался так поздно? — спросил тот.

— Я не большой любитель смотреть, как другие занимаются этим самым делом.

Фань Лянь внезапно осознал, что его одурачили — оказывается, Чэн Фэнтай с самого начала не собирался заниматься этим вместе!

— Ты, значит, не любитель — а я, по-твоему, кто?! — сердито буркнул он, а потом вскочил с кровати, поднял одежду с пола и спешно принялся одеваться. — Тогда я тоже уйду. — Взмокшая от пота измотанная танцовщица уже не вызвала у него никакого желания.

Двое вышли за ворота «малой резиденции» — Чэн Фэнтай в приподнятом настроении, а Фань Лянь, напротив, погружённый в уныние. Когда они приблизились к стоявшей неподалёку машине, Чэн Фэнтай схватил шурина за запястье:

— Я тебя подвезу.

Но Фань Лянь был так на него зол, что вскинул голову и вырвал руку:

— У меня своя машина есть!

Чэн Фэнтай и сам не знал, то ли он и вправду чувствовал себя виноватым, то ли попросту хотел поддразнить его ещё немного. Вновь крепко схватив Фань Ляня за руку, он потащил его к машине:

— Давай, давай, не стесняйся! — шутливо упрашивал он. — Мы же с тобой только что делили одну постель! Позволь старшему братцу тебя подвезти!

Окончательно вышедший из себя Фань Лянь с силой вырвался:

— Катись отсюда! Мерзавец! — после чего с грохотом захлопнул дверь машины.

Когда наблюдавший за этой сценой Лао Гэ уловил фразу «делили одну постель», он тут же сделал неверные выводы о том, что между зятем и шурином и впрямь что-то произошло, тайком вздохнув о том, что эти богатенькие молодые люди творят немало глупостей. Чэн Фэнтай сел в машину, всё ещё испытывая необычайный подъём духа [19] — по всему было видно, что он по-прежнему полон энергии.

— Теперь-то домой? — спросил Лао Гэ.

— Нет, давай-ка ещё заедем в дансинг-холл.

Дансинг-холл располагался на той же улице, что и театр «Цинфэн», а потому, когда машина проезжала мимо, в глаза Чэн Фэнтаю бросилась афиша, на которой красовалось шесть крупных иероглифов: «Шан Сижуй» и «Дворец вечной жизни» [20]. Стоило Чэн Фэнтаю их увидеть, как он тут же выкинул из головы мысль о дансинг-холле и направился в тёмный проулок позади театра, чтобы, на ощупь добравшись до гримёрок, найти там актёра и поразвлечься с ним.

Шан Сижуй как раз закончил гримироваться. При виде гостя его красивое лицо, белое с алым, в обрамлении драгоценных [21] головных украшений, тут же озарилось радостной улыбкой. Он вприпрыжку бросился к Чэн Фэнтаю и схватил его за руку:

— Второй господин! Второй господин, какими судьбами?

[19] Необычайный подъём духа — в оригинале чэньюй 精神百倍 (jīngshén bǎibèi) — в пер. с кит. «стократно полный жизненных сил (одухотворённый)».

[20] «Дворец вечной жизни» (также «Дворец долголетия» 長生殿 (Chángshēng diàn) — пьеса китайского драматурга Хун Шэна, написанная в 1688 году. В основе её сюжета лежит история любви танского императора Мин-хуана (известен в истории под личным именем Ли Лунцзи и храмовым — Сюань-цзун, VIII век) к его наложнице Ян-гуйфэй. Глубокое чувство влюблённых особенно раскрывается в сцене, в которой влюблённые дают перед лицом богов обещание никогда не разлучаться, и в сцене прощания Ян-гуйфэй с любимым ею императором

(«Прощание яшмы») — в то время как она должна покончить с собой, подчиняясь воле мятежных солдат, которые видят в ней главный источник зла в государстве.

Подробнее см. в примечаниях после главы.

[21] Драгоценный — в оригинале 金銀珠寶 (jīnyín zhūbǎo) — в пер. с кит. «золото, серебро, жемчуг и сокровища».

Обернувшись, он крикнул Сяо Лай, чтобы налила гостю чаю. Та кивнула, но с места не сдвинулась, однако Чэн Фэнтаю до этого и дела не было: медленно пройдясь пальцами по бахромке на груди Шан Сижуй, он с улыбкой спросил:

— Опять Ян-гуйфэй?

— Да, — кивнул Шан Сижуй. — Вы как раз кстати: сегодня вечером мы даём «Дворец вечной жизни».

— А, знаю, Ян-гуйфэй, император Мин-хуан.

— Второй господин не желает остаться и посмотреть? Я задолжал вам выступление.

— Нет уж, увольте, — возразил Чэн Фэнтай. — Я в этом ничего не понимаю, и к тому же слишком стар, чтобы наслаждаться пьесами про любовь. Я прокрался сюда, лишь чтобы поприветствовать тебя, ха-ха. — С этими словами он коснулся головного украшения Шан Сижуй. — Это из стекла? Так сверкает.

Шан Сижуй позволил ему трогать себя с покорной улыбкой. Он чувствовал, что Чэн Фэнтай словно бы под хмельком, однако взгляд у него был ясный.

— Мой «Дворец вечной жизни» довольно сильно отличается от старого, — поведал ему Шан Сижуй, — так что, если проявите немного терпения, то непременно сможете его понять. Слова к нему написал Седьмой Ду, они очень лаконичные и ясные. Репетиции заняли у нас целый год и отняли уйму усилий, так что я точно не позволю вам понапрасну тратить время.

Прежде чем Чэн Фэнтай успел что-либо ответить, в гримёрку ворвался исполненный энтузиазма Шэн Цзыюнь. При виде Чэн Фэнтая юноша испуганно замер, а затем невольно отпрянул: он никак не ожидал вновь застать здесь второго господина. Не на шутку опасаясь, что тот обо всём доложит его семье в Шанхае, Шэн Цзыюнь еле слышно пролепетал:

— Второй старший брат Чэн, я... это...

Будучи человеком весьма беспардонным, Чэн Фэнтай, тем не менее, любил, надев серьёзную маску, поучать других. Уставясь на Шэн Цзыюня в упор, он с холодной усмешкой [22] спросил:

— О, неужто наш студент снова пожаловал? Ты пришёл сюда поучиться?

[22] С холодной усмешкой — в оригинале 皮笑肉不笑 (pí xiào ròu bù xiào) — в букв. пер. с кит. «кожа улыбается, а мясо не улыбается», обр. в знач. «внешне улыбаться (смеяться), а внутренне — нет», «притворно улыбаться; притворяться весёлым; смеяться деланным смехом».

Шэн Цзыюнь, весь в холодном поту, продолжал мяться у двери. Наконец Шан Сижуй, сжалившись над ним, обратился к Чэн Фэнтаю:

— Представление вот-вот начнётся, прошу второго господина занять место в ложе.

Шэн Цзыюнь хотел было ответить Шан Сижую, однако, поймав взгляд Чэн Фэнтая, тут же прикусил язык и вышел за ним следом.

Хоть театр «Цинфэн» был в два раза больше обычного театра, в те дни, когда выступал Шан Сижуй, он был набит до отказа. Все места в партере разобрали, и, поскольку на сидячие места билетов было не достать, вдоль задней стены выстроился длинный ряд зрителей. Чэн Фэнтай и Шэн Цзыюнь заняли ложу на втором этаже слева от сцены — так уж вышло, что эта ложа располагалась так же, как и та, из которой Чэн Фэнтай впервые увидел выступление Шан Сижую в театре «Хуэйсянь».

В начале представления евнух Гао Лиши [23] принялся отпускать шуточки, а император — томиться от одиночества. Наконец на сцене появилась Ян-гуйфэй в исполнении Шан Сижую; поймав выразительный взгляд глаз с приподнятыми уголками, занимающий необычайно удачное место Чэн Фэнтай осознал, что для хорошего актёра недостаточно обладать навыками пения и жестикуляции — он должен также играть глазами. Теперь ему трудно было представить, что Шан Сижуй был тем самым невинным и бестолковым ребёнком, которого он знал — под маской своей роли он будто стал другим человеком. В его внешности и манере держаться проявились серьёзность и глубина, словно он, прожив долгую жизнь, успел обрести ни с чем не сравнимый опыт в людских делах.

[23] Гао Лиши 高力士 (Gāo Lìshì) (684-762) — гогун Ци, евнух императора Сюаньцзуна. Несмотря на то, что он скопил огромные богатства, Гао Лиши считается положительным примером участия евнуха в политике благодаря его верности императору. Согласно одной из версий, именно он задушил Ян-гуйфэй по приказу императора.

Шан Сижуй пел так долго, что ничего не понимающему Чэн Фэнтаю стало скучно. С лёгкой улыбкой разглядывая людей на сцене, он бездумно спросил:

— Что это он поёт?

Шэн Цзыюнь забылся от восторга, стоило Шан Сижую открыть рот; не отрывая взгляда от сцены, он кое-как скомкал в одной фразе слова двух строк арии. Выслушав его, Чэн Фэнтай внезапно спросил:

— А что это за отрывок? Вроде как, когда я в прошлый раз слушал эту оперу, его здесь не было.

— Сижуй... то есть, Шан-лаобань изменил либретто вместе с Седьмым Ду.

— Это весьма интересно, — равнодушно бросил Чэн Фэнтай.

— Я тоже считаю, что эти изменения просто превосходны! — воодушевлённо отозвался Шэн Цзыюнь. — Благодаря им образы персонажей обрели полноту и яркость, и в них куда выразительнее отражена вечная печаль склона Мавэй [24]...

Чэн Фэнтай уже давно перерос увлечение романтикой, а потому от подобного литературного анализа у него лишь свело скулы.

— Полноту? — со смехом переспросил он. — В этом Ян-гуйфэй и впрямь не откажешь [25].

Своим легкомысленным замечанием он мигом свёл на нет все вдохновенные откровения Шэн Цзыюня. Убедившись, что этот Чэн Фэнтай — не более чем вульгарный делец с филистёрскими вкусами, он решил, что продолжать с ним разговор не имеет смысла, предавшись всепоглощающему чувству одиночества возвысившегося над толпой человека [26]. Благодаря этой пошлой шутке Шан Сижуй в его глазах возрос до положения святого небожителя: когда подобный талант нисходит с небес на землю, ничего удивительного, что мещанская публика не в состоянии постичь его искусство.

[24] Склон Мавэй — там император Сюань-цзун приказал Ян-гуйфэй покончить жизнь самоубийством.

Подробнее см. в примечаниях после главы.

[25] Полноту? В этом Ян-гуйфэй и впрямь не откажешь — Ян-гуйфэй была известна своей привлекательной полнотой, что отражено в идиоме: 丰满 (huán féi yàn shòu) — «Хуань (Ян Юйхуань, она же Ян-гуйфэй) была полной, а Янь (императрица Чжао Фэйянь) — худой», которая означает «Каждая женщина по-своему привлекательна».

[26] Возвысившийся над толпой человек — в оригинале чэньюй 气高 (qǐ gāo hè guǎ) — в пер. с кит. «напев настолько возвышен, что подтянут немногие», обр. в знач. «труднодоступный для широких масс, предназначенный для избранных, элитарный».

Тем временем, Шан Сижуй на сцене неторопливо вёл свою песнь, сопровождая её размеренными движениями — он целиком и полностью отдавался представлению, стремясь показать себя Чэн Фэнтаю с наилучшей стороны и тем самым заслужить его прощение. «Дворец вечной жизни», который он исполнял этим вечером, и впрямь порядком отличался от старой версии. Они с Седьмым Ду долго работали над пьесой, обобщив в ней трёхдневную драму: выделили главное, вычеркнули тёмные и непонятные места, восполнили недостатки и в конечном счёте улучшили текст в несколько раз, скомпоновав предельно насыщенное четырёхчасовое выступление — Шан Сижуй до сих пор был невероятно горд проделанной работой.

Благодаря комментариям Шэн Цзыюня Чэн Фэнтай всё же начал что-то понимать — он даже до некоторой степени разбирал на слух сложные моменты без дополнительных пояснений. Едва достигнув его ушей, каждое слово, каждая фраза проникали прямым в сердце — и вскоре с лица Чэн Фэнтая сползла беспечная улыбка, он нахмурился, а взгляд обрёл глубину. Он сам с головой погрузился в эту пьесу — и в игру Шан Сижую.

Казалось, он никогда прежде не испытывал ничего подобного: жизнь представлялась ему сном, а этот краткий сон — жизнью. Шан Сижуй был словно поднявшийся из глубины веков призрак, проводник души Ян-гуйфэй, что вновь танцевала и пела, шествуя по одинокому пути, и вела неторопливый рассказ о полной превратностей жизни человека в этом суетном мире — казалось, бесчисленные годы спрятаны в её широких рукавах, взлетающих под звуки чарующего голоса. Актёр безумен, а зритель — пьян; актёр забыл, что он играет, а зритель уже не знал, бодрствует ли он или видит сон. Чэн Фэнтай будто воплотился в играющем яркими красками мире старины — и вот он, не помня себя, следует за тенью Шан Сижую, проходя через весь Дворец вечной жизни, склон Мавэй, за городские стены Бэйпина и хутун Наньлогу [27]. Мимо него пронеслись железные кони и копья, вокруг цвела показная роскошь [28], сновали не отличимые от людей призраки, и Чэн Фэнтай шёл мимо них, пока не очутился в мире, состоящем лишь из чёрных и белых пятен — и время поглотило его без остатка.

Это невозможно было передать словами.

Чэн Фэнтай сидел, не издавая ни звука — его душа, покинув тело, затерялась в столетиях, в сердце за считанные мгновения всё необратимо переменилось [29]. Его тело охватило такое оцепенение, что он сам не знал, существует ли он на самом деле. Он не смог бы толком сказать, чем эта пьеса так уж хороша, в чём заключена её красота — знал лишь, что его душа унеслась на волнах пения Шан Сижую. Во времена своего студенчества он так же, как Шэн Цзыюнь, расписал бы в десятках тысяч слов все достоинства пьесы с художественной и гуманистической точки зрения — но нынче он хранил безмолвие: всё пережитое настолько его потрясло, что он будто утратил дар речи, застыв в неловком молчании.

[27] Хутун Наньлогу 南锣鼓巷 (Nánluógǔ xiàng) — в букв. пер. с кит. «Южная улочка гонгов и барабанов» — один из старейших пекинских хутунов.

[28] Металлические копья и железные кони 金戈铁马 (jīngētiěmǎ) — обр. в знач. «военные дела, бесконечные войны».

Показная роскошь — в оригинале чэньюй 纸醉金迷 (zhǐzuì jīnmí) — в пер. с кит. «быть опьянённым роскошной обёрткой», обр. в знач. «очаровываться золотом» (по рассказу о кладовой, где все вещи были завернуты в золотую бумагу), также «роскошествовать, прожигать жизнь».

[29] За считанные мгновения всё необратимо переменилось — в оригинале два чэньюя:

沧海桑田 (cānghǎi sāngtián) — в пер. с кит. «где было синее море, там ныне тутовые рощи», обр. в знач. «огромные перемены, житейские бури, превратности судьбы».

瞬息万变 (shùnxī wànbìàn) — в пер. с кит. «в одно мгновение десять тысяч изменений», обр. в знач. «молниеносно изменяться, меняться буквально на глазах».

Наконец Шан Сижуй завершил представление, занавес опустился и зрительный зал вновь озарился светом фонарей. Взглянув на ложу Чэн Фэнтая, Шан Сижуй был поражён выражением его лица.

Вскочив со своего места, Шэн Цзыюнь принялся восторженно рукоплескать Шан Сижую.

— Второй старший брат, — взволнованно произнёс он, — я собираюсь повидать Сижую за кулисами, так что не стоит меня дожидаться... Второй старший брат? — Будто заметив что-то пугающее, он тоже застыл столбом, перестав аплодировать.

— А... — отозвался Чэн Фэнтай. — Да, конечно, иди.

— Второй старший брат... — не сводил с него изумлённого взгляда Шэн Цзыюнь.

Коснувшись своего лица, Чэн Фэнтай обнаружил, что оно сплошь мокро от слёз. Тогда он вытащил платок и вытерся, приговаривая:

— Всё в порядке, должно быть, глаза заслезились от света фонарей... К тому же, я немного пьян... А ты ступай, ступай.

Он и в самом деле был опьянён — и на сей раз по-настоящему.

Примечания переводчика:

[5] Восемнадцатое сентября 九一八 (jiǔyībā) — речь идёт о вторжении японцев в Маньчжурию в 1931 г. Поводом к вторжению послужил подрыв железной дороги около Мукдена (Мукденский инцидент, совр. город Шэньян). Чан Кайши приказал не оказывать сопротивления японским войскам.

1 марта 1932 г. — на территории Маньчжурии японской военной администрацией было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-го, верховным правителем которого был избран бывший император Китая Пу И (1906-1967). Государство Маньчжоу-го прекратило своё существование в ходе советско-японской войны, 19 августа 1945 года император Пу И был захвачен в здании аэропорта Фэнтяня десантниками Красной Армии. В 1949 территория Маньчжоу-го вошла в состав КНР.

[20] «Дворец вечной жизни» (также «Дворец долголетия» 長生殿 (Chángshēng diàn) — пьеса китайского драматурга Хун Шэна, написанная в 1688 году в жанре «чуаньци» («повествование об удивительном»), который постепенно вытеснил традиции юаньской драмы («цзацзюй»). Объёмная пьеса состоит из двух частей, по двадцать пять актов в каждой, и включает более ста действующих лиц.

В основе её сюжета лежит история любви танского императора Мин-хуана (известен в истории под личным именем Ли Лунцзи и храмовым — Сюань-цзун, VIII век) к его наложнице Ян-гуйфэй. Глубокое чувство влюблённых особенно раскрывается в сцене, в которой влюблённые дают перед лицом богов обещание никогда не разлучаться, и в сцене прощания Ян-гуйфэй с любимым ею императором («Прощание яшмы») — в то время как она должна покончить с собой, подчиняясь воле мятежных солдат, которые видят в ней главный источник зла в государстве.

[24] Склон Мавэй — там император Сюань-цзун приказал Ян-гуйфэй покончить жизнь самоубийством.

Это название носит семисложное четверостишие Тан Чжэнфаня, в котором повествуется о гибели Ян-гуйфэй.

Вернулась повозка без верной Сюань-цзуну Ян-фэй, (вернуть повозку — метафора для смерти супругов)

Не развеются тучи любви былой, но солнце жизни новой взойдёт.

Сия кончина — горесть мудрейшего.

Кто следующим станет в колодце дворца Цзиньянгун? (метафора для самоубийства).

<http://bllate.org/book/17750/1660368>